

На правах рукописи

Каплин Павел Владимирович

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СССР В 1927 – 1938 гг.
(на материалах Урала)

Специальность 07.00.02 . – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург

2006

Работа выполнена на кафедре археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Мотревич В. П.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Сперанский А. В.
кандидат исторических наук,
доцент Мангилева А. В.

Ведущая организация: Уральская государственная юридическая академия

Защита состоится «23» июня 2006 г. в «16» часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В. А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования заключается как в академическом интересе к теме, так и в общественно-церковном внимании к данной проблематике. Важность изучения выбранной темы нам представляется в следующих аспектах. Во-первых, сохранение религиозности у большинства населения СССР (согласно данным всесоюзной переписи населения 1937 г.) предполагало то, что Православная Церковь продолжала играть значительную роль в жизни страны, и изучение ее истории важно для реконструкции сознания людей той эпохи. Особое значение имеет факт длительного запрета на изучение церковно-государственных взаимоотношений, которые в последние годы начали активно исследоваться, заполняя значительные лакуны в истории страны.

Во-вторых, оформленная митрополитом Сергием (Страгородским) модель церковно-государственных отношений оставалась почти неизменной до конца 1980-х гг., и поэтому ее изучение является необходимым компонентом реконструкции истории Русской Православной Церкви в XX веке. Особое значение в этом отношении имеет воссоединение Русской Православной Церкви Заграницей с Московским Патриархатом, которое положило конец 80-летнему раздельному существованию двух частей Русской Церкви, возникшему из-за вопроса о пути развития церковно-государственных отношений в Советском Союзе. Однако факт воссоединения двух частей Поместной Церкви еще не означает преодоления накопившихся за десятилетия проблем, и поэтому особенно важным представляется всестороннее изучение истории церковно-государственных взаимоотношений, в том числе в ее региональном аспекте. Таким образом, приведенные соображения предопределяют, на наш взгляд, высокую актуальность заявленной темы.

Объектом исследования настоящей работы является Русская Православная Церковь в лице ее структурообразующих частей – приходов, епархий, органов высшего церковного управления, ее предстоятеля, а также органы государственной власти в виде как закрепленных в конституциях СССР учреждений, так и в лице партийных и общественных организаций.

Предметом исследования был выбран комплекс взаимоотношений в указанный период между Русской Православной Церковью в лице ее иерархической организации всех уровней и государственной властью в лице властных структур как центральных, так и региональных, а также общественных организаций, проводивших государственную политику в религиозной сфере.

Методология и методика исследования определялась особенностями выбранного для изучения объекта. Выбранный объект исследования предполагает использование системного и ценностного подходов, а также принципа историзма как теоретической базы работы. Использование последнего из указанных принципов предполагает обращение к историческому контексту, что обусловило рассмотрение церковно-государственных взаимоотношений в сравнении с той моделью, которая сложилась к 1927 г.

Под процессом взаимоотношений в исследовании понимается исторический процесс, который рассматривается как смена ситуаций внутри

исторической системы в фиксированном интервале времени.¹ Системность как определенное свойство присуще Православной Церкви, которая изучается как общество верующих, представляя собой своего рода систему, отдельные части которой (предстоятель Церкви – епархиальные архиереи – духовенство – приходы) находятся в сложной взаимосвязи друг с другом. Кроме того, государственная власть также представляет собой систему, обладающую не менее сложными взаимосвязями составляющих ее компонентов. Вместе друг с другом Церковь и государство также являются компонентами системы, которой в данном случае выступает общество. А воссоздание жизни общества в тот или иной период на региональном уровне невозможно без учета данной взаимосвязи и, следовательно, использования системного подхода. Таким образом, при его использовании создается более адекватное представление об исторических реалиях избранного периода.

Конкретная методика работы включает в себя как общенаучные, так и специально-исторические и междисциплинарные методы, выбор и применение которых были определены характером исследования. Достаточно широко применялся описательный метод, а также метод анализа и синтеза. Из числа специально-исторических были использованы историко-типологический и структурно-системный методы.² Это позволило изучить совокупность исторических явлений и выделить в них качественно различающиеся типы на основе присущих им общих, существенных признаков, а также выявлять события, которые образовывали определенные системы и выявлять характер взаимосвязи между ними. Из числа междисциплинарных методов был привлечен историко-психологический, который представляет собой обращение к внутреннему миру отдельных субъектов церковной и государственной истории, их индивидуальности (изучение причин и побуждений их к определенным действиям, круга их влияния и т.д.).³

Территориальные рамки исследования соответствуют границам современных Курганской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей. Данные территории в 1923 – 1934 гг. (то есть большую часть рассматриваемого периода) были объединены в Уральскую область⁴, что повлияло на усиление взаимовлияния соответствующих епархий. Кроме того, новое административное деление предопределило и создание новой церковно-административной единицы – уральской митрополии (которую образовали обновленцы (фактически) и григорианцы (формально)).

Хронологические рамки работы охватывают период с 1927 по 1938 гг. Возглавивший в 1925 г. Русскую Православную Церковь Нижегородский митрополит Сергей (Страгородский), издал в 1927 г. несколько указов и посланий, а также начал проводить новую кадровую политику. Оформленный таким образом курс церковно-государственных отношений практически не

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 2003. С. 206.

² Там же. С. 207 - 208.

³ См.: Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в исторических исследованиях. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 26-38.

⁴ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 553.

менялся в дальнейшем на протяжении десятилетий.

В отношении государственно-церковной политики 1927 г. также стал рубежом во взаимоотношениях. До этого времени Православная Церковь не была зарегистрирована как юридическое лицо и в течение десятилетия находилась фактически вне закона, а государство считало Русской Православной Церковью церковные структуры, созданные в результате обновленческого раскола. В 1927 г. государство удовлетворило просьбу главы Русской Церкви о регистрации, которая с одной стороны, привела к появлению многочисленных, касающихся жизни Церкви, законов, а с другой – к появлению множества церковных группировок, не одобрявших нового курса церковно-государственных отношений.

В качестве завершающего рубежа взят 1938 г., когда были уничтожены в организационном отношении, как Русская Православная Церковь, так и существовавшие раскольнические иерархии. Этот год также рассматривается в современной историографии и как рубеж в политике, которую вело государство по отношению к Московской Патриархии.⁵ Это позволяет рассматривать временной отрезок с 1927 по 1938 гг. как законченный этап в новейшей истории Русской Церкви. В название работы внесено наименование Церкви как «Русская», тогда как в те годы (вплоть до Собора 1944 г.) Церковь называлась «Российской». Чтобы не менять ставшее привычным наименование Церкви как «Русская» в работе этот термин не изменяется за исключением цитирования документов тех лет. Слова «православная церковь» как вместе, так и по отдельности в работе пишутся с большой буквы в тех случаях, когда речь идет о Русской Православной Церкви (Московском Патриархате) в отличие от различного рода церковных структур, созданных на территории СССР в 1920 – 1930-е гг.

Историография. Тема отношений между Русской Православной Церковью и государственной властью возникла в отечественной историографии вскоре после утверждения советского государственного строя в России. К концу 1920-х гг. установившаяся монополия государственной власти на освещение вопросов взаимоотношений с Церковью привела к тому, что в отечественной историографии сформировался определенный набор представлений о роли и месте Церкви в Советской республике. В него входило представление о Церкви исключительно как об одной из опор свергнутой монархии, о ее «контрреволюционной сущности» и т. д. Подобные взгляды стали идейной основой практически всех работ, посвященных, либо касавшихся истории Церкви, выходивших, в том числе на Урале и в Сибири. К их числу принадлежат работы К. П. Абросенко, В. К. Анвенсула, А. Долотова, В. Дягилева и др.⁶ Круг изучаемых проблем ограничивался поиском антигосударственной деятельности Церкви после утверждения большевистской власти, ее «связях» с врагами

⁵ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. : Крутицкое Патриаршее подворье ; Общество любителей церковной истории, 1999. С. 8, 95 – 118.

⁶ Абросенко К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. – Иркутск : Иркутское областное издательство, 1938; Анвенсул В. К. Церковь и гражданская война на Урале. – Свердловск : ОГИЗ, 1937; Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930; Дягилев Д. В. Церковники и сектанты на службе контрреволюции. – Челябинск : Челябингиз, 1938;

Советской республики, «стремления» вернуть уничтоженный режим и т. д.

Научная ценность трудов, появившихся в отечественной историографии до Великой Отечественной войны, представляется нам весьма низкой. Причиной такой оценки является, прежде всего, наличие идейных установок, препятствовавших объективности при изучении церковной истории, что приводило к грубейшей фальсификации исторической действительности. Например, полностью отрицались гонения на Православную Церковь в Советском Союзе, нарушение религиозных прав и свобод и т. д. Выдвинутые лозунги в отношении Церкви, таким образом, «подтверждались» в подобных работах, а также на страницах пропагандистской антирелигиозной литературы. Вышедшие в этот период труды, будучи интересным памятником тех лет, не могли внести существенного вклада в изучение интересующей нас проблемы.

Одновременно в СССР появлялись и труды тех, кто вышел из подчинения Московской Патриархии. Работы этого происхождения также не имели задач научно-исследовательского характера, так как их авторы стремились обосновать правильность своего выхода из Московского Патриархата и, соответственно, доказать ошибочность действий Предстоятелей Русской Церкви, в том числе митрополита Сергия (Страгородского). Так поступали представители григорианского раскола в своих немногочисленных изданиях, в которых обвиняли митрополита Сергия в «незаконном присвоении власти», а также в том, что он являлся «скрытым обновленцем».⁷ Представители этого раскола ограничились в своей издательской деятельности выпуском либо небольших подборок документов, либо статьями и брошюрами, носящими большей частью пасквильный характер. Несколько больший круг проблем поднимался в немногочисленных изданиях представителей другого раскола – обновленческого. Кроме обвинения Московской Патриархии во враждебности советскому строю, авторы данного направления писали о совместимости произошедших революционных событий в России с христианской моралью и, в соответствии с этим убеждением, о своем стремлении гармонично сосуществовать с новым строем. Также обновленческих авторов интересовали и те конфликты, которые возникали между иерархами внутри Московского Патриархата. Представлено это направление было, в основном, в обновленческой печати.⁸

Сама же Московская Патриархия была лишена возможности вообще вести какую-либо издательскую деятельность. Единственным исключением для довоенного периода был Журнал Московской Патриархии, издававшийся в 1931 – 1935 гг. в условиях жесточайшей цензуры и имевший маленький тираж и объем.⁹

Новый рубеж в отечественной историографии обозначился в 1943 г. после встречи И. В. Сталина с оставшимися на свободе тремя митрополитами

⁷ Борис (Рукин), епископ. О современном положении Русской Православной патриаршей Церкви. М., 1927; Григорий (Яцковский), архиепископ. Документы, относящиеся к образованию Временного Высшего Церковного Совета в Москве. – М. : Издание автора, 1926 и др.

⁸ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви, М., 1925-1926; Уральские церковные ведомости. Издание Екатеринбургского собора г. Свердловска. – Свердловск, 1927 – 1928; Церковное обновление. Рязань, 1924-1927.

⁹ См.: Журнал Московской Патриархии в 1931 – 1935 годы. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2001.

обозначился новый рубеж. В среде советских историков стали появляться работы, посвященные взаимоотношениям государственной власти и Русской Православной Церкви. Авторы обращались к советскому законодательству по отношению к Церкви (М. М. Персиц), истории атеистической пропаганды (Г. В. Воронцов), либо истории обновленчества и сектантства, в том числе в виде «Истинно-православных христиан» и «Истинно-православной церкви» (А. И. Клибанов, А. А. Шишкин).¹⁰ В этих работах, по-прежнему, Русская Церковь рассматривалась как контрреволюционная сила в первые послереволюционные годы, всячески старавшаяся свергнуть советскую власть и поддерживавшая ее внешних и внутренних врагов. А «изменение» в ее отношении к государственной власти объяснялось внешними переменами ее положения, начавшимися еще с кампании по изъятию ценностей, а также примером сочувственной советской власти позиции обновленцев, в то же время вероучительную сторону этой проблемы для Церкви авторы не рассматривали.

В послевоенный период в СССР стали появляться и работы церковного происхождения, которые были представлены вновь разрешенным Журналом Московской Патриархии, а также выпускавшимися под строгой цензурой и преследовавшими внешнеполитические цели руководства страны редкими книгами.¹¹ Конечно, цензура не обходила и исследования, проводившиеся в научных учреждениях, в которых со временем стал расширяться круг поднимаемых проблем. Однако до конца этого периода в отечественной историографии, длившегося до начала «эпохи гласности», исследование церковно-государственных взаимоотношений было практически запрещено. Появлявшиеся церковно-исторические исследования могли вестись только как составные части других, приветствуемых для разработки проблем - социально-экономической истории монастырей как феодальных организаций, христианских поучений и трактатов, если они имели антицерковный, еретический характер, икон как произведений искусства, памятников живописи. При этом хронологически исследования практически не касались новейшей истории.

Наряду с отечественной возникла и зарубежная историография взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в СССР. В отличие от отечественной, в зарубежной историографии нет оснований выделять довоенный период, так как исследование новейшей истории не было обусловлено какими-либо запретами со стороны государственной власти. С другой стороны, в связи с объявлением эмигрировавшим духовенством о своей независимости от Московской Патриархии в 1927 г. и образовании Русской Православной Церкви Заграницей, зарубежная историография делится на сторонников и противников общения с митрополитом Сергием (Страгородским). Это связано также с тем, что тему новейшей церковной истории в СССР поднимали в своих работах

¹⁰ Воронцов Г. В. Ленинская программа атеистического воспитания трудящихся в действии (1917 – 1937 гг.). – Л. : ЛГУ, 1973; Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М. : Наука, 1973; Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1958; Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970.

¹¹ Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947; Русская Православная Церковь : Устройство, положение, деятельность. М. : Московская Патриархия, 1958.

преимущественно эмигранты из России, которых интересовали проблемы, прежде всего, бесправного положения Церкви и происходящих гонений, а также вопросы обоснованности появления РПЦЗ и ее взаимоотношений с Московским Патриархатом. Кроме того, авторов-эмигрантов интересовали проблемы роли ОГПУ в организации расколов и оппозиций в Русской Православной Церкви. К сторонникам деятельности митрополита Сергия (Страгородского) можно отнести работы следующих авторов – митрополита Елевферия (Богоявленского), И. Стратонова, Н. Д. Тальберга, С. В. Троицкого.¹² Ко второму направлению можно отнести работы Аметистова Т. А., священника Михаила Польского.¹³ Такой широкий круг проблематики в зарубежной историографии был обусловлен свободой печати, хотя и ограничен в плане источниковой базы.

Однако зарубежным исследователям все же удавалось получать из СССР оригиналы, либо копии исторических источников. Благодаря этому более пристально стала изучаться проблема оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) на территории СССР (церковное сопротивление). Прежде всего, эта проблематика характерна для работ Л. Регельсона, в которых остро поставлена проблема альтернативности модели церковно-государственных взаимоотношений, оформленной при митрополите Сергии и продолжавшей существовать при его преемниках, а также для трудов протопресвитера М. Польского.¹⁴ Также проблеме этой альтернативы уделено много внимания в работах западного историка Флетчера, а также протопресвитера В. Виноградова, которые в своих работах писали об оправданности в целом политики митрополита Сергия и преемственности ее с позицией Патриарха Тихона.¹⁵

Новый этап в отечественной и зарубежной историографии церковно-государственных взаимоотношений открылся в конце 1980-х гг., когда началась перестройка существовавшей модели церковно-государственных отношений. Впервые после большевистского переворота 1917 г. религия стала рассматриваться как социокультурный феномен, а не враждебная социализму идеология. В 1990-е гг. стала преодолеваться разобщенность между светской академической наукой и церковно-исторической наукой, получившей новый импульс к развитию. Помимо предоставленной свободы исследований начался процесс рассекречивания фондов государственных архивов, и появилась возможность научного поиска на достаточно широкой источниковой базе.

Одним из первых успешно ведущих сотрудничество с Русской Православной Церковью светских научных учреждений стал Институт Российской Истории РАН, при котором с 1990 г. весьма плодотворно работает Центр истории религии и церкви. Среди направлений исследований этого центра

¹² Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии : Впечатления и наблюдения от поездки в Москву. Париж, 1933; Стратонов И. Русская церковная смута, 1921 – 1931. Берлин : Парабола, 1932; Тальберг Н. Д. Церковный раскол. Париж : Долой зло, 1927; Троицкий С. В. Размежевание или раскол. Париж, 1932.

¹³ Аметистов Т. А. Каноническое положение Православной Русской церкви за границей. - Париж: Издательство епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа, 1927; Польский М., священник. Положение Церкви в Советской России : Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931.

¹⁴ Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Т. 1-2. Джорданвилль, 1949-1957; Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917 – 1945. Париж, 1977.

¹⁵ Fletcher W. C. The Russian Orthodox Church underground, 1917 – 1970. London : Oxford university press, 1971; Виноградов В., протопресвитер. Положение Церкви в СССР и за границей. — Нью-Йорк, 1950.

важное место занимает изучение истории Церкви в Советском государстве. Сотрудники этого центра стали одними из основных участников в создании и реализации многотомного проекта «Православная энциклопедия».¹⁶

Еще одним крупным исследовательским центром по изучению новейшей церковной истории стал Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, выпустивший самый значительный и наиболее цитируемый сборник церковных документов и продолжающий свою издательскую деятельность по многим направлениям новейшей церковной истории.¹⁷ Помимо исследовательской работы, университет ежегодно организует международную богословскую конференцию, самая обширная секция которой посвящена новейшей церковной истории. Работы участников конференции публикуются в ежегодном сборнике.¹⁸

Однако помимо примеров совместного сотрудничества, в историографии наблюдается наличие двух направлений – церковного и светского. Несмотря на условность их выделения и споров, разделение прослеживается и, прежде всего, это касается круга поднимаемой проблематики. Для церковных работ характерным является обращение, в первую очередь, к судьбам мученически погибших в годы репрессий священнослужителей и мирян, а также к теме расколов и оппозиций, возникших в Московском Патриархате в 1920-1930-е гг. В этом отношении следует отметить «Православную энциклопедию» и работы игумена Дамаскина (Орловского).¹⁹ Связанной с этой темой является проблема поддержки или осуждения пострадавшим духовенством и мирянами расколов тех лет и оппозиционных движений. Впервые к этим вопросам обратился в своих работах митрополит Иоанн (Снычев).²⁰ С одной стороны, они имели чрезвычайно узкую источниковую базу, с другой – были написаны в духе полного одобрения политики митрополита Сергия (Страгородского) и осуждения всех, не согласных с ней. В современной церковной историографии уже произошел отказ от этой концепции, и оппозицию «справа» уже не рассматривают только как раскольническую деятельность.²¹

Более удачными в отношении привлечения источников и обращения к самому процессу восприятия церковно-политического курса митрополита Сергия

¹⁶ Православная энциклопедия. / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1-10. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000-2005; Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. // Под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000.

¹⁷ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт ; Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994.

¹⁸ См. : Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского Богословского Института. М. : Изд-во Свято-Тихоновского Богословского Института, 1996 - 2005.

¹⁹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века. Кн. 1-7. Тверь : Булат, 1994-2002; Православная энциклопедия. / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1-10. М. : Православная энциклопедия, 2000-2005.

²⁰ Иоанн (Снычев), митр. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. – СПб : Царское дело, 1995; Он же. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. – Сортавала : Б.и., 1993.

²¹ О Церкви и государстве : Материалы полемики конца 1920-х годов/ Публ. А. Мазырина. // Богословский сборник. Вып. 10. М. : Изд-во Свято-Тихоновского Богословского Института, 2002. С. 337.

являются работы протоиереев Владислава Цыпина, Георгия Митрофанова.²² Работы данных авторов, посвященные истории всей Русской Церкви неизбежно ограничены, так как региональный материал (истории отдельных епархий) представлен в них лишь фрагментарно. Проблеме оценки оппозиционных движений посвящены работы диакона Александра Мазырина и А. В. Журавского, однако их исследования посвящены, главным образом, лидерам оппозиционных движений, их взаимоотношениям с Патриаршим Местоблюстителем и его Заместителем. Вопросы же распространения оппозиционных движений в Московском Патриархате специально не рассматриваются.²³

Со стороны светских исследователей появился ряд принципиально новых исследований. В первую очередь следует отметить работы В. А. Алексеева, О. Ю. Васильевой, А. Н. Кашеварова, М. Ю. Крапивина, М. И. Одинцова и др.²⁴ В их исследованиях рассматриваются вопросы, которые ранее игнорировались, либо освещались очень поверхностно. Среди них – роль отдельных членов большевистского руководства в осуществлении антицерковных мероприятий, деятельность органов «госбезопасности» в области борьбы с религией, использование Церкви во внешнеполитических интересах и т.д. Уделяется в работах этих авторов и внимание самой модели церковно-государственных взаимоотношений, сложившейся при митрополите Сергии (Страгородском). Однако внимание в исследованиях уделялось преимущественно вопросам «правильности» избранного им пути, а также вопросам оценки со стороны высших иерархов.

Не обошли исследователи и тему оппозиционных движений в Московском Патриархате. Этой проблематике посвящены работы М. В. Шкаровского, уделившего большое внимание изучению движениям «Истинно-православным христианам» и «Истинно-православной церкви». Однако данный автор изучал указанные движения лишь в центральных епархиях.²⁵

Наряду с ростом активности отечественных исследователей в изучении новейшей истории Русской Православной Церкви и ее отношений с государственной властью, продолжают проявлять интерес к данной проблематике и зарубежные исследователи. Среди них можно отметить работы Ф. Хауза, а также некоторых немецких исследователей. Отличительной чертой большинства

²² Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900 – 1927. СПб : Сатисъ, 2002; Цыпин В., протоиерей. Русская Православная Церковь. 1925 – 1938. М. : Сретенский монастырь, 1999 и др.

²³ Во имя правды и достоинства Церкви : Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. / Авт. – сост. А. В. Журавский. – М. : Сретенский монастырь, 2004; Мазырин А., диакон. Митрополит Ярославский Агафангел и спор о местоблюстительстве в 1926 году // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2005, № 1. С. 62-104 и др.

²⁴ Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. : Россия молодая, 1992. Васильева О. Ю. Государство, власть, Церковь в 20-30-е годы // Власть и общество в России XX век. М., 1999; Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-х – 30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы). – СПб : СПб гос. техн. Ун-т, 1997; Крапивин М. Ю. Противостояние : большевики и Церковь. 1917 – 1941 гг. Волгоград : Перемена, 1993; Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий : от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковных отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М. : Прогресс, 1989.

²⁵ Шкаровский М. В. Иосифлянство : течение в Русской Православной Церкви. СПб. : НИЦ «Мемориал», 1999; Он же. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. : Крутицкое Патриаршее подворье ; Общество любителей церковной истории, 1999 и др.

работ, вышедших за рубежом, можно считать, в целом, их популяризаторский характер. Авторы не имели достаточной источниковой базы для написания основательных научных трудов и поэтому ставили перед своими изданиями задачи познакомить западного читателя с тем тяжелым положением, в котором находилась Русская Православная Церковь в течение долгого времени. В этом ряду работ выделяется сборник документов, составленный Г. Штриккером, который не утратил своего значения до сих пор.²⁶

Наряду со светскими историками зарубежная историография продолжает пополняться работами церковных авторов, чья критичная позиция по отношению к Московской Патриархии не редко обусловлена принадлежностью к РПЦЗ. Среди «антисергианских» можно назвать труды И. Андреева, В. Степанова (Русака) и др.²⁷ Представители другого направления, например, протопресвитер Иоанн Мейендорф, в своих работах пишут об оправданности в целом той модели церковно-государственных взаимоотношений, которая была создана митрополитом Сергием (Страгородским).

Общей чертой как для зарубежной, так и для отечественной историографии явилась тенденция пересмотра оценок некоторых событий. Например, характерная для работ митрополита Иоанна (Снычева) оценка всех оппозиционных движений 1920-1930 гг. как однозначно раскольнических сменилась на более дифференцированную. Само существование РПЦЗ перестало рассматриваться исключительно как проявление раскола, а со стороны исследователей, представителей РПЦЗ перестало, в общем, исходить обвинение Московской Патриархии в предательстве веры и т.п.

Но региональные аспекты церковно-государственных взаимоотношений изучены лишь фрагментарно. Среди всех форм оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) на материалах Урала была предпринята попытка изучить лишь одну – в виде наследия архиепископа Андрея (Ухтомского), то есть «истинно-православных христиан». Однако узость источниковой базы, использованной автором – М. Л. Зеленогорским,²⁸ привела к ряду ошибочных выводов, и работа не может претендовать на полноту освещения даже этой формы оппозиции на территории Урала. К тому же автор почти не выходил в своей работе за рамки Южного Урала, не уделяя внимания распространению влияния этого архиерея в соседних епархиях. Отдельным сюжетам взаимоотношений государственной власти и Церкви на Урале посвящены работы В. П. Мотревича, А. В. Сперанского.²⁹

²⁶ Русская Православная церковь в советское время (1917 – 1991) : Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М. : Пропилеи, 1995; Хорошего держитесь : Церкви и религиозные объединения в Российской державе, Советском союзе и независимых государствах, возникших после его распада. / Пер. с нем. Ю. А. Голубкина. - Харьков : Майдан, 1998; House F. The Russian Phoenix : The story of Russian Christians ad 998 – 1988. – London : SPCK, 1988.

²⁷ Граббе Г., епископ. Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль, 1991; Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917-1991) / пер. с англ. Т. А. Сенина. – СПб : Алетейя, 2001. Степанов (Русака) В. Свидетельство обвинения. Т. 1-3. – М. : Русское книгоиздательское товарищество, 1990 - 1993.

²⁸ Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М. : Терра, 1991.

²⁹ Мотревич В. П. Христианские конфессии и секты на Среднем Урале в 1950 - е гг. (по данным архива УФСБ РФ по Свердловской области) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Мат-лы VII Всеросс. науч. конф. Т. 1. Екатеринбург : УГТУ – УПИ, 2005. С. 423 – 427; Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура

Некоторой попыткой описать историю важнейшей (в XX веке) епархии Урала – Екатеринбургской – стала книга протоиерея Валерия Лавринова. Для данной работы характерно поверхностное изучение источников и почти полное отсутствие использования уже имевшейся (на момент издания книги) научной литературы.³⁰ Эти и ряд других причин предопределили, на наш взгляд, крайне низкую научную ценность работы.

Такого рода недостатки можно оценить как следствие такого, вероятно, временного явления (в значительном масштабе) в историографии, как написание исторических работ людьми, не имеющими исторического образования. К подобного рода работам относятся труды протоиерея В. Цыпина, игумена Дамаскина (Орловского) и др. Несколько выше, на наш взгляд, в плане работы с источниками стоят работы В. Королева, выпустившего уже несколько книг и сборников документов по истории Пермской епархии.³¹ Всем указанным работам, освещающих истории отдельных уральских епархий присущи, во-первых, узость источниковой базы и тематики (чаще всего сводящейся к судьбам отдельных священнослужителей и храмов), а во-вторых, написание истории без общецерковного контекста. Существуют также ряд публикаций, носящих краеведческий характер, которые содержат информацию о храмах отдельных городов, о репрессированных священнослужителях отдельных населенных пунктов и т.д.³²

Существует сравнительно небольшое количество диссертационных исследований, рассматривавших специально, либо затрагивающих в той или иной степени взаимоотношения Церкви и государства. Прежде всего, это работа М. В. Булавина, отличающаяся как широтой вовлеченных в научный оборот источников, так и отсутствием предвзятого отношения к Церкви, характерного для исследований, появлявшихся в советский период и касавшихся истории Церкви. Однако проведенное этим автором исследование охватило лишь начальный период в истории взаимоотношений государственной власти и Церкви в СССР. Кроме того, исследование было проведено на материалах лишь трех современных областей Урала, которые занимают меньшую территорию по сравнению с той, которую занимала в то время Уральская область. Менее значительным представляется исследование П. Н. Агафонова, охватившее рамки лишь Пермской епархии и не вовлекшее в научный оборот всей совокупности источников (например, хранящихся в Центре документации общественных организаций Свердловской области). Отношению государства к Церкви на Урале

Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Екатеринбург : УрО РАН, 1996; Он же. Церковь и власть в годы Великой Отечественной войны: возрождение религиозных традиций // Уральский исторический вестник: Власть и общество в российской провинции. № 10-11. Екатеринбург : Академкнига, 2005.

³⁰ Лавринов В., протоиерей. Екатеринбургская епархия : События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2000.

³¹ Душу не погублю. Исповедники и осведомители в документах и ... о методах агентурной работы. / Сост. В. А. Королев. – М. : Содружество Православный Паломник, 2001; Простите, звезды Господни! Исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? / Сост. В. А. Королев. – М. : Содружество Православный Паломник, 1999.

³² Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург : Уралмедиздат, 1995; Низвергнутый мир : Книга памяти : В 2 ч. Ч.1 / Авт. - сост. В. В. Чевардин. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2003; Боже В. С. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска (1917-1937 гг.) // Челябинск неизвестный : Краеведческий сборник. Вып. 2. / Сост. В. С. Боже. – Челябинск, 1998. С. 107 – 181 и др.

было посвящено диссертационное исследование Н. И. Музафаровой, для которого характерными чертами стали недостаточное внимание на репрессивную политику государства по отношению к Церкви, а также на провоцирование внутрицерковных разделений органами ОГПУ-НКВД.

Таким образом, проблема церковно-государственных отношений изучалась целым рядом ученых, как отечественных, так и зарубежных. Тем не менее, имеющиеся работы не могут претендовать на обобщение всего опыта церковно-государственных взаимоотношений в довоенный период легального существования Русской Православной Церкви в СССР. Кроме того, аспект этой темы не брался для исследования в таком важном регионе как Урал. Таким образом, и сегодня существует настоятельная потребность в создании научных трудов, которые могли бы заполнить пробелы, образовавшиеся в процессе изучения истории Православной Церкви на Урале.

Цели и задачи исследования. Цель диссертации определяется выбранными объектами исследования. Основная цель работы состоит в реконструкции истории взаимоотношений между государством и Церковью на Урале в 1927 – 1938 гг. В связи с этой целью были определены следующие основные задачи:

- показать сущность государственной политики по отношению к Церкви, выразившейся в законодательстве;
- выявить состояние высшей церковной власти в 1920 – 1930-е гг. и его соответствие постановлениям Поместного Собора 1917 – 1918 гг.;
- проследить появление оппозиционных групп в Церкви, их эволюцию и распространение на Урале;
- изучить отношение уральских представителей оппозиционных групп к Православной «Сергиевской» Церкви;
- выявить основные методы борьбы государства с Церковью, применявшиеся на Урале;
- исследовать репрессивную политику по отношению к духовенству и мирянам - ее формы, масштабы, последствия;
- определить специфические черты государственной политики по отношению к Церкви, проводившейся на Урале и ее результативность.

Источниковая база исследования. В основу диссертационного исследования были положены исторические источники из фондов двенадцати государственных и ведомственных архивов. Это Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), Государственный архив Курганской области (ГАКО), Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО), Государственный архив новейшей истории Пермской области (ГАНИПО), Государственный архив Пермской области (ГАПО), Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Отдел по делам архивов администрации г. Нижнего Тагила (ОДААНТ), Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской

области (Архив УФСБ по Свердловской области), Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Челябинской области (Архив УФСБ по Челябинской области).

В исследовании использовались преимущественно письменные источники, кроме того были привлечены и фотодокументы. По своему происхождению использованные исторические источники могут быть поделены на государственные, партийные, принадлежавшие общественным организациям и церковные.

Материалы государственного происхождения представлены, в основном, следующими видами исторических источников: нормативными актами, договорами с религиозными обществами, делопроизводственной документацией административных органов, перепиской с религиозными организациями по вопросам проведения крестных ходов и т.п., а также документами, содержащими различную статистическую информацию о количестве храмов и духовенства в различные годы, протоколами съездов и собраний духовенства и мирян как приходского, так и епархиального уровней. Особенно много ценной информации удалось почерпнуть из документов репрессивных органов. Извлеченные из них сведения дают обильный материал для воссоздания картины религиозной жизни на Урале. Они отражают состояние общин верующих, уровень и формы проявления религиозности населения, позволяют судить о наличии некоторых региональных форм оппозиции высшей церковной власти. Кроме того, в них содержится значительное количество сведений о ведении властями антирелигиозной политики, а также информация о различных сторонах уральской церковной жизни. Важную роль сыграл анализ этих документов в изучении нормативно-правовой базы, не только официальной декларативной, но и реально определявшей позицию местных органов власти к религиозным организациям (носившей статус секретной), а также региональные особенности осуществления антирелигиозной политики. Особые условия и цели создания такой документации заставляют подходить с большой осторожностью к содержащейся в ней информации, открывающей ранее малоизученные и неизвестные факты.

Источники партийного происхождения отражают, прежде всего, формирование самих принципов и методов антицерковной политики государства, которую должны были осуществлять законодательно предусмотренные органы власти. К источникам партийного происхождения относятся следующие виды – законодательные, статистические, делопроизводственная документация, периодическая печать.

Значительную роль в процессе практической реализации принципов государственной антирелигиозной политики играла в 1920-е гг. деятельность «Союза Безбожников». Документы этой общественной организации представлены, прежде всего, докладами на конференциях и съездах «Союза», отчетами о результатах проведения проверок антирелигиозной работы уральского отделения «Союза Безбожников» со стороны инспекторов из Москвы, собственными исследованиями состояния религиозности населения Уральской области. Содержание документов этого вида дает возможность судить не только о

деятельности местных органов Союза Безбожников, но и о состоянии религиозности населения в 1920 - 1930-е гг.

К источникам церковного происхождения относятся послания и заявления предстоятелей Русской Церкви, переписка между церковными и государственными деятелями, протоколы заседаний различных церковных съездов и переписка с государственными инстанциями. Они отражают реальное отношение к государственной власти не только представителей высшей иерархии, но и представителей рядового духовенства и отдельных верующих. Это касается не только Московского Патриархата, но раскольнических иерархий.

Интерес представляют и опубликованные источники личного происхождения (мемуары, дневники, автобиографии, письма и т. д.), позволяющие сопоставить с ними, откорректировать, дополнить соответствующие архивные материалы.

В диссертации широко применялась местная и общесоюзная периодическая печать 1920-1930 гг. В ней содержатся интересные сведения о жизни религиозных организаций, проведении атеистической пропаганды, но содержащиеся в них факты и их интерпретация далеко не всегда были правдивы и объективны и поэтому требуют тщательной дополнительной проверки. Значительное внимание уделялось собственно уральским церковным периодическим изданиям – они были представлены фактически одними обновленческими «Уральскими церковными ведомостями», издававшимися Екатеринбургским собором г. Свердловска с 1927 г.

В целом представляется, что настоящее исследование обеспечено необходимыми документами и материалами и позволяет решать поставленные в его рамках задачи.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые предпринята попытка комплексного изучения взаимоотношений между государственной властью и Русской Православной Церковью в довоенные годы ее легального существования на Урале, в самый сложный период ее истории, завершившийся уничтожением Церкви как определенной организации. В такой постановке, и при таком хронологическом охвате, а также с учетом территориальных совпадений государственного и церковного деления (Уральская область – Уральская обновленческая митрополия – Свердловская григорианская епархия) выбранная тема не рассматривалась в исторической науке. При этом, в рамках проблемы учитывались как закономерности изменения государственной политики в религиозном вопросе, так и эволюция отношения к государству Русской Православной Церкви. Такой подход позволил выделить, с одной стороны, общие, а, с другой – местные особенности церковно-государственных взаимоотношений, показать на примере Урала суть шедших в Советском Союзе социальных и духовных процессов.

Практическая значимость работы:

- результаты исследования позволяют внести определенные коррективы в представления о значимости и особенностях церковной истории в 1927 – 1938 гг., присутствующие как в общественном сознании, так и в научно-исследовательской литературе;

- исследование содержит значительный объем неизвестных, либо малоизвестных сведений по истории Русской Православной Церкви, обновленческому и григорианскому расколам, а также государственной политике по отношению к ним;
- подходы и принципы, на основе которых велось исследование, могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения церковной истории тех лет как в масштабах всего СССР, так и в масштабах Урала;
- результаты исследования могут быть применены при разработке спецкурса «История Русской Православной Церкви на Урале».

Апробация работы. Основные положения работы заслушивались на IV научно-практической конференции «Вопросы современной православной историко-богословской науки» (Екатеринбург, 2002), первой международной богословской научно-практической конференции «Екатерининские чтения» (Екатеринбург, 2003), XIV Ежегодной богословской международной конференции (Москва, 2004), VI и VII Всероссийской научной конференции «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» (Екатеринбург, 2004, 2005), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы Отечественной и зарубежной истории. Адамовские чтения» (Екатеринбург, 2004), церковно-исторической конференции, посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии «История Православия на Урале». (Екатеринбург, 2005).

По теме диссертации имеется 13 научных публикаций.

Структура диссертации определена целями и задачами работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава содержит анализ положения Церкви, которое она заняла в первые годы жизни в Советской республике. Созданная новой государственной властью законодательная база, а также конкретные действия по отношению к Церкви позволяют говорить, что она встретила к себе абсолютно не терпимое отношение. Как организованное вероисповедание, имеющее свою иерархию, учреждения, имущество и особые духовные и социально-культурные служения Церковь не была зарегистрирована в качестве юридического лица, и не была вообще определена советским законом. Вынужденное следование правилам регистрации приходов как отдельных «религиозных обществ», конечно, противоречило тому, как Церковь себя понимала и чем являлась в реальности.

Такое положение, в котором оказалась Церковь, вызвало разногласия в духовенстве относительно принципов отношений с государством, а также формы высшего церковного управления. Это разномыслие, посвященное внутрицерковным проблемам, не осталось без внимания органов ОГПУ. Именно желание определенной части духовенства и епископата изменить то тяжелое положение, в котором оказалась Церковь в Советской республике, и которое связывалось с «ошибками», допущенными при единоличном управлении, было использовано ОГПУ для создания нескольких расколов. Добившись успеха в этом

направлении, ОГПУ (которое олицетворяло волю руководителей государства), способствовало тому, что Патриаршая Церковь была поставлена в худшее положение, нежели созданные раскольнические иерархии – обновленческая и григорианская. Это коснулось в первую очередь регистрации как «Священного Синода обновленческой Российской церкви», так и «Временного Высшего Церковного Совета» (ВВЦС). В то же время созданные согласно постановлениям Поместного Собора 1917 – 1918 гг. соуправляющие с Патриархом органы высшего церковного управления встретили целый ряд препятствий для своего функционирования и были через некоторое время вынужденно упразднены. Носителем высшей церковной власти, возложенной на Предстоятеля Церкви и соуправляющие с ним органы перешла лично к Патриарху Тихону.

Изменить такое положение – отсутствие прав юридического лица и соответствующих прав у Церкви – не удалось ни патриарху Тихону, ни его преемнику митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому), ставшему после смерти Патриарха, последовавшей 25 апреля 1925 г., Патриаршим Местоблюстителем. Эти события стали первым масштабным ударом по Церкви.

Второй, не менее сильный удар, был нанесен в процессе насильственного изъятия церковных ценностей, когда в условиях голода были официально отвергнуты инициатива и участие самой Церкви в этом деле, а голод был использован как предлог для очередной расправы с духовенством и теми верующими, которые не могли позволить очередного святотатства (после кампании по вскрытию мощей).

В результате этой хорошо продуманной и выполненной кампании государственная власть добилась успеха в нескольких направлениях. Прежде всего, были получены значительные средства не только и не столько для помощи голодающим, но и на другие государственные, внешнеполитические, оборонные цели и на ту же борьбу с Церковью. Важна была также дискредитация иерархии и духовенства, то есть возможность, при умелой деятельности соответствующих органов, представить их в качестве противников помощи голодающим и лишить того авторитета, которым они пользовались у верующих. Кроме того, это была связанная с изъятием ценностей удобная возможность расправиться с теми, кто сопротивлялся этим акциям, не только с духовенством, но и активными мирянами.

Вторая глава показывает как сформировалась новая модель взаимоотношений Русской Православной Церкви и государственной власти после того, как Предстоятелем Церкви стал митрополит Сергей (Страгородский). В качестве условий легализации, поставленных начальником «церковного отдела» ОГПУ Е. Тучковым и принятых Заместителем Местоблюстителя были: издание Синодом указов о поминовении за богослужением властей, об увольнении сосланных и заключенных епископов на покой и назначении вернувшихся на волю архиереев в дальние епархии. Прежде архиереи, томившиеся в тюрьмах, лагерях и ссылках, сохраняли титулы кафедральных архиереев и права на вынужденно покинутые ими епархии.

Особое место среди последствий легализации Церкви стало, как обвиняли митрополита Сергея некоторые современные ему архиереи, а также некоторые

российские исследователи, допущение им вмешательства ОГПУ-НКВД в кадровую политику (приведение Церкви к «лжесимфонии» и т.д.). Такие обвинения, не являются достаточно обоснованными. После прихода к власти большевиков ситуация с кадровой политикой для Церкви в лучшую сторону не изменилась. Поначалу, еще во время гражданской войны, от не угодных власти представителей духовенства и епископата избавлялись физически, путем расстрелов, влияя тем самым на кадровую ситуацию в среде духовенства. После окончания гражданской войны методы вмешательства становились все более изощренными. Помимо расстрелов, начали применять ссылки представителей духовенства и епископата, содержание их в тюрьмах, и всё это происходило фактически при отсутствии состава преступлений. Яркой иллюстрацией этого аспекта церковно-государственных взаимоотношений является уральский аспект этой проблемы. В местных епархиях практически не было постоянных архиереев, а те, которые имелись, управляли одновременно несколькими епархиями. Не менее значительным было перемещение в результате ссылок и белого духовенства.

Еще одним методом влияния на кадровую ситуацию в Церкви стали методы административного воздействия: не угодному, например, епископу не позволяли выезжать из города, жить в определенных городах, либо даже въезжать в некоторые города. Такую ситуацию правительство СССР, конечно, не собиралось менять, поэтому перед митрополитом Сергием (Страгородским) встал вопрос не о том, как не допустить вмешательство государственных чиновников в дела церковные (прежде всего, в подбор кадров), которое помимо его воли уже осуществлялось, а как сохранить канонический строй Церкви в сложившейся ситуации. Близкой к этой проблеме была задача не дать повода для власти проводить репрессии, чем может быть объяснено согласие митрополита Сергия (Страгородского) на выпуск «Декларации» в 1927 г., а также дача им интервью в начале 1930-х гг.

В работе помимо самой модели взаимоотношений, рассмотрена и ее реализация в уральских епархиях. В частности, были изучено отношение уральского епископата, наиболее известных священнослужителей и мирян. Было установлено, для среднеуральских епархий процент перехода приходов в иосифлянство был гораздо меньше по сравнению с епархиями европейской части Советского Союза. Среднеуральский епископат принял церковно-политический курс митрополита Сергия благожелательно, либо нейтрально. Вероятно, именно поэтому на Урале не было массовых переходов в иосифлянский раскол, так как обычно инициаторами и руководителями подобного перехода руководил епископ. Однако некоторое распространение «антисергиевское» движение все же получило. В этом отношении на первое место следует поставить последователей Уфимского епископа Андрея (Ухтомского).

Для уральских епархий личность этого архиерея сыграла особую роль, так как он организовал из своих последователей особое церковное движение (катакомбное), которое было близко к иосифлянскому и, вероятно, в такой же мере оно может рассматриваться как раскольническое. Естественно, будучи уральским епископом, он имел наибольшее количество своих последователей,

получивших название «Истинно-православных христиан» (ИПХ) именно на Урале. Об отсутствии находящихся на территории Уральской области епархий массовой поддержки епископа Андрея, не смотря на осведомленность о его взглядах, свидетельствует то, что не было зафиксировано ни одного прихода, перешедшего в «андреевскую ориентацию». В сведениях, имевшихся у соответствующих окружных отделов Союза безбожников, указывалось на наличие лишь сергиевских, обновленческих, старообрядческих и, иногда, григорьевских приходов.

Несмотря на осуждение действий епископа Андрея (князя Ухтомского) как раскольнических высшей церковной властью, а также и местными епископами и духовенством, у этого архиерея (беспрерывно находившегося в ссылках с 1929 г. вплоть до расстрела в 1937 г.) на Урале находились свои последователи. На Среднем Урале из таковых наиболее известным, вероятно, и влиятельным стал бывший схимонах Верхотурского Николаевского мужского монастыря Даниил (Лисицын).

Отсутствие непреодолимого желания встать на путь подпольного существования показал пример уральских епархий, в которых имелись сведения практически обо всех оппозиционных группах и причинах их возникновения. Однако широкой поддержки этим настроениям в среде уральских верующих и духовенства не нашлось. Принятый митрополитом Сергием (Страгородским) курс, был, таким образом, прямо или косвенно одобрен.

Таким образом, судьба «Истинно-православной церкви» и «Истинно-православных христиан» в СССР и на Урале, в частности, показала гибельность перехода всей Русской Церкви на положение катакомбников. Отказ митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г. подписать «Декларацию» скорее всего означал бы переход Русской Православной Церкви на нелегальное положение (катакомбы), что привело бы к массовому террору уже в 1927 г. А к началу Второй мировой войны Русская Православная Церковь оказалась бы в еще более плачевном состоянии, чем она оказалась после выпуска митрополитом Сергием «Декларации».

В третьей главе раскрываются формы и методы борьбы государства с Русской Православной Церковью, как в рамках всего Советского Союза, так и в рамках уральских епархий. Одним из приоритетных направлений в борьбе с Церковью было провоцирование и дальнейшая поддержка расколов. Преимущественно этим занимались органы ОГПУ-НКВД, которым удалось создать и некоторое время поддерживать два раскола – обновленческий и григорианский.

Эти расколы в своем существовании подразумевали сотрудничество с государственной властью, которое в реальности, в нарушение целого ряда церковных канонов, свелось к сотрудничеству с ОГПУ и получению различного рода помощи, в том числе для борьбы с Православной Церковью. Наименее одиозным в нарушении церковных канонов был григорианский раскол, который своим появлением в конце 1925 г. отрицал саму возможность митрополиту Сергию управлять Русской Церковью. Основатели этого раскола, среди которых был Свердловский архиепископ Григорий (Яцковский), ссылались на негативные

последствия для Церкви восстановления единоличного управления и на, якобы, прервавшееся преемство высшей церковной власти.

Этот раскол, наряду с обновленческим, не был вполне самостоятельным церковным явлением, ибо в организации и легализации учрежденного ВВЦС приняло деятельное участие ОГПУ. Цель большевистского руководства в организации и насаждении этого раскола была в уничтожении единства Русской Церкви. Первоначально приверженцам этого раскола оказывалась различная поддержка (реже закрывались храмы, была предоставлена возможность проводить различные съезды и собрания и т.д.).

Видя отсутствие поддержки ВВЦС со стороны большей части Русской Церкви, власть перестала оказывать поддержку сторонникам этого раскола. На территории Среднего Урала председатель ВВЦС архиепископ Григорий (Яцковский), который являлся также и архиепископом Свердловским и Ирбитским, смог из уральских сторонников ВВЦС организовать поначалу лишь одну епархию – Свердловскую, которая охватывала почти весь современный Средний Урал. Создание такой «епархии» было такой же авантюрой, что и создание ВВЦС, так как на такой огромной территории находилось всего около сотни приходов. Наибольшую поддержку архиепископ Григорий встретил со стороны своей бывшей свердловской паствы, а также со стороны нескольких челябинских приходов, ушедших незадолго до появления ВВЦС на автокефальное управление. Из этих приходов была создана вторая уральская григорианская епархия, которая в сравнении с Челябинской «сергиевской» и даже обновленческой походила больше на благочиние. Со временем немногочисленные ряды сторонников ВВЦС стали редеть.

Конечно, методы борьбы с Церковью не ограничивались лишь созданием и поддержкой расколов и оппозиционных движений. Весьма действенными были методы административного характера, которые выражались в ограничении передвижения духовенства, в закрытии храмов и т.д. Существовавшее при этом законодательство фактически игнорировалось, даже те немногие права, которые предусматривались и после легализации Русской Православной Церкви в СССР в 1927 г., не соблюдались. В этом бесправном положении была, прежде всего, Православная Церковь, в то время как сторонники расколов пользовались теми правами, которые были провозглашены в отношении всех религиозных организаций.

Однако, несмотря на все усилия большевистского руководства расколоть Церковь через создание нескольких претендентов на высшую церковную власть либо самостоятельно существующие группировки, митрополит Сергей (Страгородский) смог сохранить как каноничность в преемстве высшей церковной власти, так и следование за ней большинства епископата, духовенства и верующих. Проводимый митрополитом Сергием (Страгородским) церковно-политический курс не имел, на наш взгляд, в тех условиях реальной альтернативы (по крайней мере, для всей Церкви). Попытки поиска другого пути существования Церкви, проходившие через нарушение церковной дисциплины и канонов, приводили лишь к появлению раскольнических групп. Большинство же епископата, духовенства и мирян остались в возглавляемой митрополитом

Сергием (Страгородским) Церкви. Уральский регион не имел ярых противников Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и его курса среди епископата и поэтому не стал ареной масштабных церковных разделений (не учитывая обновленческий раскол, который затронул все без исключения епархии). Однако большинство расколов тех лет в уральских епархиях все же были представлены, в особенности григорианский раскол. Судьба любой из форм оппозиции митрополиту Сергию была предопределена не только наличием или отсутствием поддержки со стороны верующих, но и отношением государственной власти.

Неудачи искоренения религии «мирным» путем во всесоюзном масштабе продемонстрировала перепись 1937 г., когда большинство населения СССР объявило себя людьми верующими. Преимущественно люди называли себя православными, на втором месте по численности были мусульмане. Данный факт едва ли может быть истолкован двойственно – иметь религиозные взгляды было в те годы опасно, и заподозрить людей в неискренности нет оснований. Но для государства это был фактически провал проводившейся в течение многих лет работы по борьбе с Церковью. Поэтому для выполнения поставленной задачи была проведена общесоюзная волна репрессий конца 1930-х гг., которая уничтожила все внутрицерковные группировки и одновременно поставила саму Русскую Православную Церковь на грань гибели. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война послужила поводом для изменения взглядов руководства страны на роль Церкви и способствовала ее сохранению. С этого времени руководство страны стало смотреть на Русскую Православную Церковь как на институт, который можно использовать во внешнеполитических целях. Но Церковь смогла дожить до таких перемен во многом благодаря той модели взаимоотношений с государством, которую оформил митрополит Сергей (Страгородский).

В заключении диссертации приведены итоги исследования, проанализированы причины изменения модели взаимоотношений Русской Православной Церкви и государственной власти, сделаны выводы об эволюции политической линии Церкви и государства в отношении друг друга в 1927-1938 гг. В исследовании была реконструирована модель церковно-государственных взаимоотношений, сложившаяся в СССР после издания в 1927 г. Предстоятелем Русской Православной Церкви митрополитом Сергием (Страгородским) «Декларации». Было доказано, что так называемая «легализация» Церкви не привела к признанию ее государством как юридического лица. Произшедшие изменения в церковном законодательстве государства не повлекли за собой правовое регулирование отношений с религиозными организациями. Практически никакие права верующих не соблюдались, хотя во внешнеполитических целях Русская Православная Церковь стала использоваться.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать, что новая модель церковно-государственных взаимоотношений вызвала ряд оппозиционных движений, возникших преимущественно в епархиях европейской части СССР. На Урале были представлены эти движения не значительно, но имели место и движения, возникшие собственно на Урале – «андреевцы», «данииловцы». Было выяснено, что государство было заинтересовано в появлении как можно большего количества группировок внутри Церкви.

В исследовании было установлено, что наиболее известной и распространенной формой оппозиции Предстоятелю Церкви на Урале стал григорианский раскол. Однако большая часть уральского епископата и духовенства либо одобрили новую модель, либо признали единственно возможным вариантом отношений с государством.

Исследованные государственно-церковные отношения позволили сделать вывод о том, что отношение к Церкви со стороны государства было исключительно враждебным и имело своей целью уничтожение религии. Такая позиция проявлялась как в создании правовой базы, лишавшей религиозные организации надежды на спокойное существование в Советском Союзе, так и в применении административных и идеологических методов борьбы с Церковью. Особое место в наборе методов борьбы с Церковью было создание и разносторонняя поддержка различных расколов и конфликтов в Церкви. Однако, несмотря на разнообразие методов борьбы с Церковью, государству не удалось снизить уровень религиозности населения, который как на Урале, так и во всей стране был высоким. Поэтому для выполнения поставленной задачи была проведена общесоюзная волна репрессий конца 1930-х гг., которая уничтожила все внутрицерковные группировки и одновременно поставила саму Русскую Православную Церковь на грань гибели. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война послужила поводом для изменения взглядов руководства страны на роль Церкви и способствовала ее сохранению.

Основные положения диссертации изложены автором в публикациях:

1. Григорианский раскол в Свердловске в конце 1920-х гг. // Вопросы современной православной историко-богословской науки : Материалы IV науч.-практич. конф. / Ред. Г. С. Рыжкова. Екатеринбург, 2002. С. 39-42.
2. Катакомбники в Свердловской епархии в 1920 – 1930-х гг. // Современные проблемы теологического образования (культурологический, богословский, педагогический и лингвистический аспекты). Екатеринбургские чтения : Материалы междунар. первой богословской науч.-практич. конф. Вып. 1. Екатеринбург, 2003. С.131-133.
3. Разгром органами ОГПУ секты пятидесятников на Урале в начале 1930-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VI Всеросс. науч. конф. в 2 т. Т.2. Екатеринбург: АМБ, 2004.С. 241-244.
4. Судьба «Истинно-православных христиан странников» в СССР в 1917 – 1940 гг. (на примере Свердловской области). // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Материалы VI Всеросс. науч. конф. в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : АМБ, 2004. С. 244-246.
5. Григорианский раскол на Урале в 1926-1938 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург : Изд-во. Урал. ун-та, 2004. С. 22-33.
6. Пребывание секретаря патриарха Тихона в Свердловске в конце 1920-х гг. // Актуальные проблемы Отечественной и зарубежной истории. Сб. науч. тр. студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург : Волот, 2004. С. 149-151.

7. Деятельность епископа Аркадия (Ершова) на Среднем Урале // История Православия на Урале : Материалы церковно-историч. конф., посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2005. С. 141-144.
8. Интервью с митрополитом Агафангелом // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2005, № 1. С. 105-116.
9. Об альтернативности курса церковно-государственных отношений, проводимого митрополитом Сергием (Страгородским). // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VII Всеросс. науч. конф. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005. С. 204-209.
10. Памфлет «Посещение Карлом Марксом советской России» // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 395-401.
11. Проблемы восприятия Декларации митр. Сергия (Страгородского) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VII Всеросс. науч. конф. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2005. С. 210-213.
12. Распространение григорианского раскола в уральских епархиях в 1920 – 1930 гг. // XIV Ежегодная Богословская международная конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М. : Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет, 2005. С. 282-290.
13. Расколы в Екатеринбургской епархии в 1920 – 1930-е гг. // История Православия на Урале: материалы церковно-историч. конф., посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2005. С. 137-141.